

ХРОНИКИ ВОРОНОВА

КНИГА 2

АЛГЕБРА НА ПРИБОЕ

СБОРНИК ДЕТЕКТИВНЫХ ПОВЕСТЕЙ
НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

АЛЕКСАНДР СОБОЛЬ

Хроники Воронова

Александр Соболев
Алгебра на приборе

«Автор»

2026

Соболь А.

Алгебра на прибое / А. Соболь — «Автор», 2026 — (Хроники Воронова)

Одесса, 1973 год. Молодой сотрудник МУРа Иван Воронов прибывает на юг, где расследует жестокое убийство, совершённое в разгар курортного сезона. Единственная зацепка — фрагмент страницы школьного учебника, найденный среди следов преступления. Но это лишь первое дело. В других расследованиях Воронов сталкивается с тщательно продуманными преступлениями, ложными подозреваемыми, человеческими страхами и тайнами, которые годами скрываются за стенами обычных советских домов. Одесса, Янтарск, Киев. Три дела, три города, разные обстоятельства — и один следователь, привыкший доверять фактам, логике и мельчайшим деталям. «Алгебра на прибое» — второй сборник серии «Хроники Воронова», основанный на реальных уголовных делах, следственной практике и архивных материалах. Художественная реконструкция преступлений и эпохи, в которой разгадка часто скрывается там, где её никто не ищет.

Содержание

Глава	5
Алгебра на приборе	6
От автора.	7
Алгебра на приборе	8
Глава 1. Выстрел в Обсерваторном	8
Глава 2. Лейтенант с Петровки	12
Глава 3. Пыж с теоремой Виета	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Соболев

Алгебра на приборе

Глава

СЕРИЯ «ХРОНИКИ ВОРОНОВА»

Книга 2

Алгебра на приборе

Сборник детективных повестей на основе реальных событий
Александр Соболев

От автора.

Истории, собранные в этой книге, родились не из одной лишь художественной фантазии. В их основе — реальные уголовные дела, материалы расследований и архивные материалы, связанные с практикой и методикой раскрытия тяжких преступлений.

За каждым подобным делом стоят не только даты, протоколы и строки следственных документов. За ними — люди, их поступки, страхи, ошибки, мотивы и решения, от которых порой зависела человеческая жизнь. Именно человеческая сторона расследования — то, что происходило за пределами сухих формулировок протоколов, — стала основой художественного мира этой книги.

Я стремился сохранить историческую правду эпохи настолько точно, насколько это возможно: её время, атмосферу, быт, особенности работы советских следственных органов, криминалистические методы и реалии повседневной жизни. Однако перед вами не документальный сборник и не дословная реконструкция конкретных уголовных дел.

Для художественной цельности повествования изменены имена и фамилии, а также некоторые второстепенные обстоятельства и детали. Эти изменения сделаны намеренно — прежде всего из этических соображений и для того, чтобы реальные материалы могли превратиться в самостоятельные литературные истории.

Поэтому прошу воспринимать эту книгу именно как художественную реконструкцию, созданную на основе реальных преступлений и следственной практики.

Возможно, некоторые истории покажутся вам невероятными. Но история уголовного розыска знает немало случаев, которые трудно было бы придумать даже писателю.

Автор

Алгебра на приборе

Глава 1. Выстрел в Обсерваторном

Одесса, июль 1973 года

Июльская Одесса плавилась от зноя, не остывая даже к полуночи. Город, словно раскаленная на медленном огне огромная чугунная сковорода, отдавал накопленный за день жар небесам, которые в ответ сыпали крупными, неестественно яркими звездами. Густой соленый бриз, приходящий с темной, безбрежной громады Черного моря, путался в тяжелых кронах старых платанов на Приморском бульваре. Он приносил с собой низкие, вибрирующие в самой груди гудки сухогрузов, стоящих на рейде, горьковатый запах выброшенных на берег водорослей и еле уловимый аромат йода.

Воздух был настолько влажным и плотным, что казалось, его можно резать ножом и намазывать на хлеб. Из открытых настежь окон коммуналок на Молдаванке и камышовых хибар Пересыпи доносились обрывки гитарных переборов — кто-то неумело подбирал аккорды к модной песне Высоцкого, — звон посуды, хриплый смех и бесконечное шипение жарящейся на примусах черноморской кефали, щедро пересыпанной крупной солью. Город жил своей тягучей, расслабленной, пропитанной дешевым вином и дорогими надеждами курортной жизнью. Отдыхающие, приехавшие со всех концов необъятного Советского Союза, гуляли по Дерибасовской, ели тающее в вафельных стаканчиках мороженое за девятнадцать копеек и не подозревали, что в густых тенях южной ночи уже запущен неумолимый механизм трагедии.

Обсерваторный переулок утопал в густой листве и кромешной темноте. Здесь, вдали от шумных портовых улиц и яркого неона центральных проспектов, пахло нагретой за день

пылью, горьковато-медовым духом цветущей софоры и сыростью старого ракушечника, из которого были сложены подпорные стены дворов. Изредка луна пробивалась сквозь ветви, высвечивая глубокие трещины на старом, вспученном корнями асфальте.

Двадцатидвухлетний автомеханик Леня Снегирев и девятнадцатилетняя медсестра Алла сидели на старой деревянной скамейке, чья краска давно облупилась. Они прятались в глубокой тени раскидистого каштана, чувствуя себя абсолютно скрытыми от чужих глаз.

Леня был одет по последней одесской моде, на которую спустил почти половину своей зарплаты: светлые брюки клеш, расширяющиеся от колена почти на двадцать пять сантиметров, и яркая, расстегнутая на две пуговицы рубашка с неимоверно широким воротником, обнажающим крепкую загорелую грудь. Он что-то негромко и увлеченно рассказывал, размахивая руками.

— ...И я ему говорю: «Семен Абрамович, ну какой дурак сажает прокладку на краску, если там плоскость повело? Вы же директор гастронома, вы в колбасе разбираетесь, а в мотор не лезьте!» — Леня жестикулировал сильными, привыкшими к тяжелому инструменту руками. — А он красный как рак стоит. Но ключи от «Волги» отдал. Три дня я над ней колдовал, Аллочка. Разобрал до винтика. Зато теперь шепчет, как часики!

Алла тихо смеялась, откидывая со лба непослушную русую прядь. Ее легкое ситцевое платье в мелкий цветочек светлело в сумраке смутным, беззащитным пятном. От нее пахло недорогим земляничным мылом и молодостью. Она смотрела на Леню с нескрываемым, обожающим восхищением. Для нее он был самым сильным, самым умным и красивым парнем на всей Молдаванке. Человеком, за которым она была как за каменной стеной.

— Ты у меня самый лучший, Ленечка, — прошептала она, прижимаясь щекой к его крепкому плечу. — Никто так не умеет.

Они не слышали шагов. Шум далекого порта, гудение невидимых в темноте ночных жуков и шелест листьев скрадывали звуки.

Щеголь в светлой кепке-восьмиклинке возник перед ними словно из ниоткуда, отделившись от черного провала подворотни. Он не шел, он скользил по асфальту мягким, хищным шагом человека, привыкшего передвигаться в темноте. На его ногах тускло блеснули в свете далекого, едва мерцающего фонаря белые туфли с острыми носами. В руках он держал что-то длинное, небрежно завернутое в старую, замусоленную газету «Черноморская коммуна».

— Ну что, фраера, — голос незнакомца прозвучал мягко, почти ласково, но с той ледяной, равнодушной издевкой, свойственной закоренелым рецидивистам, давно переступившим черту и не знающим жалости. — Загораем?

Снегирев замолчал на полуслове. Инстинкт парня, выросшего на не самых спокойных улицах рабочего города, мгновенно забил тревогу. Он почувствовал исходящую от этого человека смертельную опасность, тяжелую и осязаемую, как запах озона перед грозой.

— Деньжата, часики — на бочку, — продолжил щеголь, делая шаг ближе и останавливаясь в двух метрах от скамейки. — Дамочка может пока отдыхать. А потом посмотрим, может, и дамочка пригодится. Мордашка вроде ничего.

Леня Снегирев не был робкого десятка. Он медленно поднялся со скамейки, инстинктивно, широким жестом заслоняя собой съежившуюся Аллу. Его широкие плечи автомеханика, под модной рубашкой-батником перекачиваемые литыми, тяжелыми мышцами, развернулись.

— Ты берега попутал, кореш? — глухо, с угрозой произнес Леня, сжимая пудовые кулаки, в которых каждый день держал тяжелые гаечные ключи. — Шел бы ты отсюда подброду. Тебе тут ловить нечего. Ты не на тех наварился.

Он шагнул вперед, намереваясь просто оттолкнуть наглого гостя, взять на испуг. Леня был уверен в своей физической силе и не сомневался, что легко скрутит этого тощего франта в белых туфлях, сломав его, как сухую ветку.

Но щеголь в восьмиклинке даже не шелохнулся. Он не отступил и не принял боксерскую стойку. Неуловимым, отрететированным сотни раз движением он сбросил газету на землю. В его руках, освободившись от бумажной обертки, хищно блеснул вороненой сталью короткий, грубо, но ровно отпиленный ствол двустволки ТОЗ-БМ шестнадцатого калибра.

Два черных провала стволов уставились Лене прямо в грудь.

Леня увидел оружие. Он понял, что это конец, но сделать уже ничего не успел.

Грохот выстрела разорвал душную тишину переулка на тысячи раскаленных осколков.

В узком пространстве Обсерваторного звук ударил по ушам с оглушительной силой пушечного залпа, многократно отразившись от каменных стен. Тугая, яростная струя пламени, вырвавшаяся из правого ствола, на мгновение выхватила из темноты хищный, почти безумный оскал нападавшего, его тонкие губы и холодные, пустые глаза.

Крупная свинцовая картечь ударила Снегирева в грудь в упор. Удар был чудовищной, несокрушимой силы. Леню отбросило назад, на деревянную спинку скамейки, словно тряпичную куклу. Парень страшно захрипел, инстинктивно схватившись руками за разорванную в клочья рубашку. Сквозь его дрожащие пальцы толчками хлынула горячая кровь, густой черной лужей расплываясь по светлым брюкам клеш и капая на асфальт. Он тяжело, со стоном сполз со скамейки, его широко открытые глаза уставились в невидимое небо сквозь кроны каштанов, и свет в них быстро начал меркнуть.

Алла закричала. Это был не женский визг, а пронзительный, дикий крик животного ужаса, который рвался из самых глубин ее существа, разрывая голосовые связки. Она бросилась к Лене, падая на колени, пачкая руки и ситцевое платье в его еще теплой крови, пытаясь зажать страшную рану, не веря, отказываясь верить в происходящее.

— Заткнись, сука! — прошипел налетчик, шагнув вперед.

Он грубо, всей пятерней схватил девушку за волосы, резко дернув ее голову назад, заставляя запрокинуть лицо. Горячий, еще дымящийся кислым дымом ствол обреза больно ткнулся ей в нежную кожу скулы. В нос Алле ударил едкий, тошнотворный запах сгоревшего бездымного пороха, жженой бумаги и паленой шерсти.

— Пикнешь — ляжешь рядом со своим Ромео, — процедил щеголь, и в его голосе не было ничего человеческого.

В свете далекого фонаря на его левом запястье, когда рукав модной рубашки от резкого движения слегка задрался, мелькнула синяя, набитая тушью криминальная татуировка — гордый олень, стоящий на скале.

Ночной бриз продолжал шевелить листья каштанов, принося со стороны порта далекие, безразличные гудки кораблей, но для Аллы этот огромный, теплый мир навсегда сузился до двух темных дыр оружейных стволов, пахнувших неизбежной, безжалостной смертью.

Глава 2. Лейтенант с Петровки

Одесса, июль 1973 года

Утро следующего дня встретило Одессу слепящим южным солнцем и невыносимой духотой, от которой не спасал даже ленивый, влажный ветер с моря. Город проснулся рано и сразу же закипел. Казалось, он состоял только из полуголых, разомлевших на солнце курортников в соломенных шляпах, очередей у синих бочек с ледяным квасом, лотков с тающим пломбиром и криков торговки на Привозе, предлагающих «самую сладкую черешню на всем побережье».

Двадцатипятилетний старший лейтенант милиции Иван Сергеевич Воронов шагнул по улице Бебеля по направлению к монументальному зданию Одесского областного управления внутренних дел под двенадцатым номером. Он прибыл в город накануне вечером скорым поездом «Москва — Одесса» в составе сводной оперативной бригады МВД СССР. Руководство на Житной улице в столице, всерьез обеспокоенное небывалым всплеском гастрольной преступности на курортах всесоюзного значения, приняло решение отправить усиление. Из числа наиболее перспективных, въедливых и методичных оперативных работников МУРа, имевших следственную подготовку, была сформирована группа, задачей которой было сбить криминальную волну и навести порядок на юге.

В отличие от расслабленных местных жителей, одетых в легкие парусиновые брюки и цветастые рубашки навыпуск, Воронов выглядел так, словно только что сошел со строгого агитационного плаката о советской дисциплине. На нем была легкая, но застегнутая на все пуговицы до самого ворота светлая рубашка с коротким рукавом, строгие темные брюки с идеальными, острыми стрелками и начищенные до зеркального блеска туфли, на которых не было ни пылинки.

Жара, непривычная для москвича, казалась ему утомительной. Рубашка липла к спине, но внешне Иван оставался абсолютно невозмутимым. Его лицо с правильными, тонкими, чуть аристократичными чертами сохраняло сосредоточенно-отстраненное выражение, словно он был погружен в решение сложного математического уравнения. На левом запястье мерно тикали старенькие, потертые на гранях отцовские часы «Победа» Первого Московского часового завода — единственный предмет, с которым Иван никогда не расставался. Эти часы напоминали ему о строгом московском детстве, об отце-фронтовике и о том, что время — самый ценный ресурс следователя.

Дежурная часть Одесского УВД гудела, как растревоженный улей. Телефоны на длинном пульте звонили не переставая, сливаясь в сплошную какофонию трелей. Мимо пробегали оперативники с папками, кто-то громко спорил в коридоре, конвоиры вели в камеры пойманных с поличным на Привозе щипачей, угрюмо опустивших головы.

Воронов подошел к барьеру и молча предъявил командировочное предписание вместе с красной корочкой МУРа с золотым тиснением.

Дежурный капитан, грузный мужчина с расстегнутым воротом, вытирая обильный пот со лба мокрым клетчатым платком, бросил беглый, слегка раздраженный взгляд на москвича.

— А, столица прибыла, — без особого энтузиазма, скорее с иронией, протянул капитан, возвращая документы. — Добро пожаловать на юг, товарищ старший лейтенант. Только у нас тут не до курортов и не до московских политесов. Слыхали уже новости?

— Я слышал только то, что мне положено по разнарядке, — ровно ответил Воронов, пряча удостоверение во внутренний карман. — Мне приказано поступить в распоряжение начальника уголовного розыска для усиления следственной группы.

— Проходите на второй этаж, по коридору направо, тридцать второй кабинет, — кивнул дежурный, вновь хватаясь за разрывающийся телефон. — Майор Сидоренко вас ждет. У нас ЧП районного масштаба. Ночью в Обсерваторном переулке стреляли. Жмурик и тяжелая потерпевшая. Алло, дежурный слушает!

Кабинет начальника угрозыска был прокурен до такой степени, что сизый, тяжелый дым висел слоистыми облаками, цепляясь за лопасти потолочного вентилятора. Майор Сидоренко, крупный, лысеющий мужчина с красным лицом и мешками под глазами, яростно тер виски двумя пальцами. На столе перед ним лежала внушительная стопка рапортов и остывающий в мельхиоровом подстаканнике стакан крепкого чая.

— Воронов? — майор поднял воспаленные от хронического недосыпа глаза на вошедшего лейтенанта. Окинул взглядом его идеальную выправку и тяжело вздохнул. — Присаживайся. С Петровки, значит. Ну, садись, москвич, рассказывай, чем помогать будешь. Только коротко, у меня голова раскалывается.

Иван сел на жесткий казенный стул, положил на колени свой строгий кожаный портфель.

— Помогать буду делом, товарищ майор, — спокойно, без тени заискивания сказал Воронов. — Я направлен в следственную группу по тяжким преступлениям. Готов приступить немедленно. Введите в курс дела.

Сидоренко горько усмехнулся, чиркнув спичкой и прикуривая новую папиросу «Беломорканал» прямо от окурка старой.

— Тяжкие преступления... У меня этих тяжких, лейтенант, вагон и маленькая тележка. Ты на улицу смотрел, когда шел? Июль месяц! Население города увеличилось в три раза за счет отдыхающих. А вместе с ними на наш благословенный юг приехала вся союзная шваль. Щипачи, скокари, форточники, усыпляльщики, брачные аферисты. У меня опера вторые сутки не спят, участковые на износ работают, в вытрезвителях мест нет! А сегодня ночью — этот выстрел. Прямо в центре города, считай, в курортной зоне!

Майор закашлялся от едкого дыма, отхлебнул холодного чая.

— Молодой парень, комсомолец, автомеханик Леня Снегирев. Убит в упор зарядом картечи из гладкоствола. Девчонка изнасилована. Она сейчас в шоковом состоянии, в первой клинической больнице под капельницами, врачи к ней не пускают даже на минуту. Бормочет только, что нападавший был в светлой кепке, модной рубашке и белых туфлях.

Воронов достал из нагрудного кармана рубашки деревянный спичечный коробок фабрики «Красная звезда» из далекой Удомли. Положив руку на кожаный бок портфеля, он привычным, отточенным движением длинных пальцев пианиста перекатил его с грани на грань.

Щелк. Щелк.

Сухой стук спичечной соломки внутри помог отсечь излишне эмоциональный монолог уставшего майора и сфокусироваться исключительно на фактах.

— Белые туфли и светлая кепка, — медленно повторил Иван. — Приметы не самые оригинальные для июльской Одессы. Гладкоствол, говорите? Оружие нападавший бросил на месте? Изъято?

— Если бы! — в сердцах махнул рукой Сидоренко, смахивая пепел мимо тяжелой стеклянной пепельницы. — Ствол он унес с собой. Опергруппа сейчас на месте топчется, эксперты землю носом роют. Но там, похоже, глухарь чистой воды. Переулок темный, свидетелей нет, только ветер шумел. Девчонка толком лица не разглядела в истерике. Мои ребята сейчас подняли картотеку и шерстят по базам всех владельцев охотничьих ружей в районе. Устроим повальную проверку сейфов. Но сам понимаешь, если ствол нелегальный или приезжий привез его с собой — то искать будем до второго пришествия.

— Я могу ознакомиться с местом преступления? — спросил Воронов, убирая коробок обратно в нагрудный карман. В его голосе прозвучали металлические, непреклонные нотки.

— Езжай, — майор устало кивнул на дверь. — Бери дежурный УАЗ во дворе. Скажи эксперту Семенычу, что ты от меня, чтобы он не упрямился. Пусть покажет, что там наковыряли. Но чуда не жди, лейтенант. У нас тут не Петровка, на каждом перекрестке по постовому не выставишь, и чудес не бывает.

Воронов молча кивнул, поднялся, поправил ремень и вышел из прокуренного кабинета.

Проходя по длинному коридору, Иван обдумывал услышанное. Местные оперативники, безусловно, были опытными людьми, но они были смертельно перегружены рутинной и сезон-

ным наплывом мелкого криминала. Их методы казались Воронову слишком суетливыми и недостаточно методичными. Массовая проверка владельцев зарегистрированных ружей в случае дерзкого ночного налета с изнасилованием — это бессмысленная трата времени, стрельба из пушки по воробьям. Преступник такого толка, хладнокровный и наглый, никогда не пойдет на «мокрое» дело с легальным стволом, записанным на его имя в разрешительной системе.

Иван вышел во внутренний двор УВД, инстинктивно жмурясь от яркого южного солнца. Ему нужен был не список местных охотников, трясущихся над своими двустволками, а материальная зацепка — жесткий, неопровержимый след, который убийца неизбежно оставил на месте преступления.

В тени раскидистого платана дремал желтый дежурный УАЗ-452 с синей полосой на борту. Пожилой водитель в расстегнутой форменной рубашке сидел на подножке и неторопливо смолил папиросу.

— От майора Сидоренко, — негромко сказал Воронов, подходя к машине. — В Обсерваторный переулок. Немедленно.

Шофер окинул москвича цепким взглядом, затушил окурок о подошву и кивнул на пассажирскую дверь:

— Раз майор велел — садись, лейтенант. С ветерком по брусчатке не обещаю, но домчим.

Хлопнула тяжелая железная дверь, взревел горячий мотор, и УАЗ выкатился через ворота на раскаленные улицы — навстречу загадке, грозившей взорвать спокойствие курортного города.

Глава 3. Пыж с теоремой Виета

Одесса, июль 1973 года

К моменту прибытия Воронова в Обсерваторный переулок, оцепление из уставших постовых милиционеров уже с трудом сдерживало толпу любопытствующих зевак, привлеченных милицейскими машинами и слухами о ночном убийстве. Утро окончательно вступило в свои права, раскаляя потрескавшийся асфальт и заставляя желтую, сухую пыль висеть в неподвижном воздухе, оседая на листьях каштанов серым налетом.

Желтый милицейский УАЗ-452 припарковался поперек переулочка, перегородив проезд. Иван Сергеевич вышел из машины, окинул холодным, профессиональным взглядом место преступления и медленно подошел к деревянной скамейке, стоявшей в глубокой тени.

Тело убитого комсомольца уже увезли в морг на вскрытие, но на земле, прямо под скамейкой, темнело большое, густо присыпанное желтым строительным песком пятно. В раскаленном воздухе, несмотря на сухой зной, терпкие запахи южной зелени и близость соленого моря, явственно, физически ощутимо чувствовался тяжелый, сладковато-металлический запах недавней трагедии — запах свернувшейся крови и смерти.

У скамейки, тяжело отдуваясь и ежеминутно вытирая пот со лба мокрым клетчатым платком, работал местный судмедэксперт — грузный пожилой мужчина в изрядно помятом светлом парусиновом костюме. Рядом с ним на асфальте стоял потертый, повидавший виды фибровый чемоданчик, из полукрышки которого торчали рукоятки длинных пинцетов, баночки с порошками и внушительных размеров лупа.

— Доброе утро, — негромко произнес Воронов, подходя ближе и не обращая внимания на суетящихся неподалеку оперативников, которые опрашивали немногочисленных жителей соседних дворов. — Иван Сергеевич Воронов, МУР. Что у нас здесь, коллеги?

Эксперт оторвался от изучения глубокой трещины в асфальте, тяжело вздохнул, выпрямил затекшую спину и поправил сползающие на нос очки в роговой оправе.

— Доброе, коли не шутите, товарищ старший лейтенант, — прокряхтел он, оглядывая безупречный вид столичного гостя. — Семен Маркович я, местный эксперт-криминалист. Картина у нас здесь ясная и печальная, как одесский некрополь. Убийство с особой жестокостью, изнасилование. Девочка в глубоком шоковом состоянии в больнице. Парня положили в упор из гладкоствола. Заряд крупной свинцовой картечи, судя по раневому каналу. Разворотило всю грудную клетку, смерть наступила мгновенно от массивной кровопотери и несовместимого с жизнью болевого шока.

Воронов достал из нагрудного кармана коробок спичек, привычно уложив его между пальцами.

Щелк. Щелк.

Ритмичное движение помогало Ивану отстроиться от уличного шума, жужжания мух над кровавым пятном и сфокусироваться на деталях.

— Расстояние выстрела? — спросил Воронов, внимательно осматривая песок на асфальте в поисках мельчайших следов.

— Не больше метра, судя по диаметру осыпи, — покачал головой Семен Маркович. — Причем били почти наверняка из обрезка. На рубахе парня — густая копоть и масса неостывших порошинок. В длинном стволе порох успевает сгореть полностью, а тут факел вылетел наружу. Да и дульного сужения нет, картечь сразу пошла широким веером, края рваные. Калибр шестнадцатый. С полноценной двустволкой по ночной Одессе незаметно не погуляешь — спрятал обрез под полую или в сумке, подошел вплотную и нажал спуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.